

УДК 81:1

ТРИАДА СЛОВА – ИДЕИ – ВЕЩИ В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО

А.А. Аминова, А.М. Галиева

Аннотация

М. Фуко является одним из тех мыслителей, чье творчество наложило значительный отпечаток на формирование современной парадигмы социогуманитарного знания. Привлечение материала и принципов исследования французского структуралиста может обогатить методологический арсенал лингвистики. Изучение соотношения «слов и вещей» позволяет высветить особенности внутренней организации культуры, своеобразие структурообразующих связей, выявляя то, что в рамках конкретной культуры не может быть вербализовано и рационализировано. Именно в семиотическом пространстве формирования знания явления обнаруживают свое бытие для субъекта и вступают в разнообразные отношения друг с другом, для каждого типа культуры это пространство имеет свою специфику, которая может быть описана.

Обостренное внимание к языку как способу «укоренения» (В. Гумбольдт) человека в мире характерно для всей социокультурной ситуации XX столетия. Признание того, что язык относится к фундаментальным онтологическим характеристикам человека, что человек по своей сути существо языковое, становится отправной точкой для постановки коренных мировоззренческих проблем и новых попыток их разрешения. Размышления о том, что именно язык позволяет человеку упорядочивать реальность, структурировать ее, в значительной степени детерминируя стереотипы поведения и формы познавательной деятельности, вызвали к жизни целые направления в философии (логический позитивизм, аналитическая философия, структурализм и постструктурализм в различных модификациях) и в языкознании. Отражая интерес к разработке гносеологической и философской проблематики, эти направления проводились в русле конкретных национальных научных школ. В рамках философских и лингвистических исследований язык все чаще осмысливался как универсальная предпосылка познания мира, которая артикулирует всю совокупность опыта. Признание того, что язык составляет неотъемлемый аспект нашего повседневного бытия, позволило сформулировать концепцию «лингвистики языкового существования» (Б.М. Гаспаров).

«Образ мира, в слове явленный», (Б. Пастернак) все чаще становится объектом междисциплинарных исследований. Мысль Х.Г. Гадамера о том, что язык – это среда, где Я и Мир выражаются в изначальной взаимопринадлежности, отражает онтологический поворот в герменевтике.

Переход «от сознательных лингвистических явлений к исследованию их бессознательного базиса» [1, с. 51] был, как известно, осуществлен в структурной лингвистике. Язык предстал как феномен, далеко выходящий за пределы всего того, что осознается прямо и непосредственно; ученые пришли к выводу, что неосознаваемые структуры связаны с языком как знаковой системой и лежат не в сфере непосредственных значений языка, а в сфере его организации; субъект подчиняется означающему, языковому коду и правилам его функционирования. Методологические принципы и приемы анализа структурной лингвистики существенно обогатили философский дискурс и привели к расширению области гуманитарного знания, к освобождению от субъективизма исследователей.

Одной из проблем философии языка, где проявилась специфика национальных традиций, стало изучение соотношения слов, идей, вещей. Так, В.В. Колесов в своих этюдах и очерках по истории русского языкознания отмечает в качестве «национальных пристрастий» сохранение в немецкой философии языка родовых черт реализма (соотношение между понятием вещи и самой вещью – *сознание*); в английской философии языка – родовых черт номинализма (понятие о вещи – слово – *познание*), во французской философии языка сохраняются родовые черты рационалистического концептуализма (вещь – слово – *достоверность знания*) [2, с. 461].

Во французской семиологии осуществляется изучение социальных мифов и условий, их порождающих, что приводит к идее о децентрации субъекта и его растворении в игре означающих – о смерти субъекта. Подвергаются критике теории об автономности существования человека, о прозрачности для индивида его собственного сознания, т. е. пересматриваются основания классической западной рациональности.

В книге Мишеля Фуко «Слова и вещи» (1966), ставшей в свое время научно-философским бестселлером, подвергается анализу европейская культура XVI – XX веков. При этом в работе заметна сосредоточенность внимания Фуко на внетекстовых характеристиках, которые определяют человеческое сознание. Французский исследователь отрицает приписывание языку автономности по отношению ко всем историческим и социальным системам: текст, по мнению исследователя, всегда вторичен по отношению к тем силам, которые его породили. Если французских структуралистов главным образом интересуют синхронические описания, акцентирующие внимание на животрепещущих проблемах, связанных с властными отношениями и идеологией, то Фуко переносит приемы и методы структурной лингвистики на материал прошлого европейской культуры.

Зачастую исследователями отмечается, что книга «Слова и вещи» в значительной мере обусловлена духом «острой идейно-интеллектуальной борьбы во Франции в 60-е годы» и инспирирована структуралистским дискурсом, однако следует подчеркнуть, что работа Фуко во французском структурализме занимает особое место (одни относят ее к собственно структурализму, другие – к постструктурализму). Здесь исследуются не структуры в их традиционном понимании (инвариант с вариантами, поддающимися комбинаторике, трансформации, совокупности правил, по которым из одного объекта можно получить

другой и т. п.) – Фуко стремится вычлениить общие структурирующие механизмы во всех образованиях сознания и культуры рассматриваемой эпохи, выявить общие принципы организации знания.

По мнению Фуко, каждому историческому этапу соответствует своя система знания. Изучение соотношения «слов и вещей» дает возможность представить новую концепцию истории – истории «прерывностей»: у французского мыслителя история носит не преемственно-эволюционный, а скачкообразный характер. Фуко отмечает, что сходство современной лингвистики с идеями «Всеобщей грамматики» авторов Пор-Рояля обманчиво: «вся эта квазинепрерывность на уровне идей и тем, несомненно, оказывается исключительно поверхностным явлением» [3, с. 40]. На каждой последующей стадии развития культуры трансформации имеют настолько радикальный характер, что последующий этап развития человеческой мысли не выводится из предыдущего; при этом история выступает как сфера действия бессознательных сил.

Соотношение «слов и вещей» – «способ, с помощью которого она [культура] устанавливает близость между вещами, картину их сходств и порядок, согласно которому их нужно рассматривать» [3, с. 42]. Это способ показать, как понимается и обосновывается тождественность, в чем видится однородность или подобие, как устанавливаются семантические связи и ассоциации. То, что сцепляет «слова и вещи», определяет корни своеобразной «логичности», которая не является априорной и не обусловлена только эмпирическими характеристиками. Таким образом, речь не идет о логических априориях или неких константах, обусловленных единством человеческой природы и формами чувственного восприятия. Для обозначения этого Фуко вводит новый термин – эпистема. Эпистема (или «исторические априори») у Фуко – своего рода сетка, внутри которой определяются типы тождеств, сходств и различий, выделяются форма и содержание, выявляются закономерности и законосообразности, цепочки причин и следствий. Изучение соотношения «слов и вещей» приводит к выявлению того, что делает возможным формирование того или иного типа знаний, позволяет в каждую историческую эпоху заново проводить демаркационную линию между тем, что считается рациональным и иррациональным. «Между уже кодифицированными взглядами на вещи и рефлексивными познаниями имеется промежуточная область, раскрывающая порядок самой его сути», которая «может рассматриваться как наиболее основополагающая, то есть как предшествующая словам, восприятиям и жестам» [3, с. 38].

Таким образом, эпистема у Фуко – это то, что предшествует знаниям, то, что их упорядочивает и организует, делая возможным формирование знания в той или иной форме. Такая ориентация исследования принципиально отличается от анализа идей, от анализа истории развития научной мысли. Здесь философские или научные теории – нечто вторичное по отношению к эпистеме, ее результат, порождение, поскольку объектом рефлексии становятся не сами идеи, а тот базис, благодаря которому они приобрели ту форму, которая была зафиксирована в текстах. В рамках такого исследования происходит выявление условий возможности формирования того или иного типа знаний.

История науки трансформируется в «археологию знания», выявляющую главные структурные связи эпохи. Эти связи обуславливают устойчивость и

надежность существования, свойственные каждой эпохе. Именно «археология», «обращаясь к общему пространству знания, определяет синхронные системы, а также ряд мутаций, необходимых и достаточных для того, чтобы очертить порог новой позитивности» [3, с. 40]. Фуко приходит к мысли о том, что с каждым этапом существенно меняется «способ бытия вещей и порядка, который, распределяя их, представляет их знанию» [3, с. 40].

Во французской философии языка эпистемологическое направление устремлено к «постижению концепта как сущности слова-вещи» [2, с. 461]. Фуко является преемником этих традиций, и в его творчестве прочитывается влияние как рационализма, так и позитивизма. Эпистему можно понимать как некое поле методологических операций, семиотическое пространство формирования знания – то конструктивное пространство, на котором явления обнаруживают свое бытие для субъекта и его сознания, «утверждают свою позитивность», вступая друг с другом в разнообразные комбинации, допускаемые самой эпистемой.

Любая культура как оперирование смыслами (или концептами – в более привычной для лингвистов терминологии) предполагает правила оперирования этими смыслами, причем упорядочивание осуществляется главным образом в языке (тексте) и средствами языка. Внутренняя самоидентифицированность культуры, как отмечает французский философ и литературовед Винсент Декомб, «рождается при помощи целой серии исключений. Если любая культура конечна, ограничена, то, следуя негативному определению, вовсе не потому, что ни одной из них не удастся стать универсальной. Это связано с тем, что в изначальном своем решении (первое «разделение») каждая культура отказывается от известного числа возможностей» [4, с. 108]. Следует оговорить, что «язык» Фуко не может быть сведен к «языку» – объекту традиционного анализа лингвистических концепций. Это скорее метафора для обозначения феноменов духовной культуры.

Таким образом, изучение соотношения «слов и вещей» позволяет очертить скрытые основы различных видов знания и поведения людей, причем здесь исследуется та почва, которая часто в рамках самой конкретной культуры не может быть вербализована и рационализирована. Несмотря на то, что анализируемая работа Мишеля Фуко появилась четыре десятилетия назад, нам представляется, что ее методологический потенциал для актуальных лингвистических, лингвокультурологических, семиотических исследований остается не исчерпанным до конца. В современной лингвистике, в которой в связи с антропологическим поворотом были выявлены новые исследовательские подходы и реализовано большое количество исследований, ориентированных на культуру, тем не менее, остро стоят проблемы методологического характера. В связи с этим привлечение обширного корпуса структуралистской (в широком смысле) и философской литературы (в частности, феноменологических или герменевтических исследований) могло бы существенно обогатить методологический арсенал как собственно лингвистических исследований, так и научных проектов, осуществляемых на стыке лингвистики и смежных дисциплин, очерчивая контуры единого концептуально-терминологического и методологического пространства.

Summary

A.A. Aminova, A.V. Galieva. M. Foucault: Triad words – ideas – things.

M. Foucault is one of the thinkers whose creative activity greatly influenced the formation of the modern paradigm of social and humanitarian knowledge. Usage of the material and principles of investigation of the French structuralism may enrich the methodological apparatus of linguistics. The study of the correlation of “words and things” helps to bring out the peculiarities of the inner organization of culture, the peculiar character of structure-forming links, singling out what cannot be verbalized within the framework of concrete culture.

Литература

1. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М., 1983.
2. *Колесов В.В.* История русского языкознания. – СПб., 2003.
3. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
4. *Декомб В.* Современная французская философия. – М., 2000.

Поступила в редакцию
20.04.06

Аминова Альмира Асхатовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы в межнациональном общении Казанского государственного университета.

Галиева Альфия Макаримовна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.